

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

3—4
(12—13)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1940

палеонтология языка. Бош-Гимпера и Н. Я. Марр проследили наличие иберов на полуострове еще до эпохи неолита¹.

Все теории Шультена, с которыми нам главным образом пришлось сталкиваться², вытекают из того положения, что культуры представляют неизменные типы и каждый тип свидетельствует о появлении извне нового народа или новой расы. Шультен так же, как и остальные буржуазные миграционисты, полагает, что с самых ранних времен существовали народы с особой спецификой материальной и духовной культуры. Например, исходя из такого положения, Шультен противопоставляет, как нами указано выше, иберов-«варваров» «высококультурным» этрускам. Ясно, что при таком подходе проблема этногенеза древнего населения Иберии не могла найти правильного разрешения и должна была представляться в извращенном виде. Миграционисты старались доказать, что каждая новая ступень в области материальной культуры или языка древних иберов является не результатом их развития, а следствием иммиграции другой расы или другого народа.

Н. Я. Марр, наоборот, доказывает, что возможность объяснения сродных черт, иногда доходящих до полного тождества иберов с населением других стран, переселением народов с одного места на другое «устраняется»³.

Многочисленные племена древних иберов до III в. еще не образовали единого народа, хотя процесс перерастания племенных объединений в народ в это время уже происходил. Образование единого иберийского, или, позднее, испанского народа—длительный процесс, социальные стороны которого должны явиться предметом особого исследования с марксистской точки зрения.

Д. Петерс

Тохарская проблема⁴

I

Конец XIX и начало XX в. были ознаменованы замечательными открытиями, сделанными в Восточном Туркестане (Куча, Турфан, Дульдур-акур, Дун-хуан, Хотан, Кашгар и др.). Многочисленными экспедициями был обнаружен богатейший материал по языкам, культуре и быту народов, который изменил прежнее представление о Центральной Азии. Было положено начало изучению ряда проблем, среди которых, судя по многочисленным исследованиям, одно из первых мест занимает проблема «тохаров». Цель настоящей статьи—не предложить решение очень сложной и запутанной тохарской проблемы, но, на основании доступного мне материала, попытаться кратко изложить историю вопроса в целом, ибо, как указывал Энгельс, невозможно понять предмет без его истории.

Среди задач, которые оставил для решения народ «тохаров», особо сложной является решение вопроса об их историческом расселении. Современные данные позволяют расчленить этот вопрос и выделить два этнических комплекса: 1) тохары, упоминаемые античными писателями среди завоевателей греко-бактрийского царства во II в. до н. э., по имени которых часть Бактрии еще в мусульманское время носила

¹ Н. Я. Марр, Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию. ИАН, 1921, стр. 738.

² По мнению не только иностранных, но и испанских этнологов, Шультен считается одним из лучших знатоков истории древней Иберии. Например, Бош-Гимпера пишет: «Мы обязаны проф. А. Шультену последней и лучшей обработкой источников иберийской этнографии» (B o s c h - G i m p e r a, Die Vorgeschichte d. iberischen Halbinsel, «Prähist. Zeitschr.», XV, 1924, стр. 83). Исходя из этого, мы должны были при разборе проблемы уделить так много внимания его теориям.

³ Н. Я. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей, Избр. раб., т. V, 1935, стр. 151.

⁴ Настоящая статья была предметом обсуждения на заседании кафедры всеобщей истории Самаркандского Государственного Педагогического института имени А. М. Горького 11 октября 1939 г.

название «Тохаристан», когда его этнографическое происхождение было уже давно забыто, и 2) народ или народы, обитавшие в Центральной Азии, языку которых в западноевропейской литературе было присвоено название «тохарский». (Найденные в Восточном Туркестане рукописи на «тохарском» языке относятся к V—X вв. н. э.) О первых упоминают античные источники, о вторых сохранились сведения, главным образом, в китайской историографии. Характерно, что мусульманские авторы ничего не говорят об языке и письме в Тохаристане. Единственным исключением, как полагал В. В. Бартольд, являются слова Самани, автора XII в., о городе Ванджирде на месте современного Файзабада в Таджикистане. Самани упоминает о «буквах, бывших там в начале ислама, известных, записанных в книгах»¹. Однако свидетельство Самани еще не доказывает, что здесь идет речь о письме тохаров.

Греко-римская историография повествует о тохарах в момент их вступления вместе с другими кочевыми народами в Бактрию во II в. до н. э. Сведений о тохарах за предшествующее время мы у античных историков и географов не имеем. Геродот например, которому хорошо были известны саки, массагеты и другие кочевники, ничего не знает о тохарах. Argumentum ex silentio, конечно, еще не является доказательством того, что тохары в то время вообще еще не находились во внутренней Азии и, следовательно, не могли быть известны древнейшим античным авторам. Во всяком случае в позднейшем Тохаристане они появились значительно позже. Опираясь на дошедшие до нас сведения классических писателей, мы имеем основание заключить, что тохары впервые появляются на территории Бактрии во II в. до н. э. Как бы ни были скудны эти сведения, они не позволяют согласиться с выводом Г. Е. Грум-Гржимайло, который старался доказать, что тохары искони жили в Афганистане и во II и I вв. до н. э. были «не победителями, а побежденным народом»². С выводом Грум-Гржимайло вполне согласился Н. А. Бронников³. Работа Бронникова построена преимущественно на трудах Григорьева и Аристова. Китайские известия о тохарах заимствованы из книги Иакинфа Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

Что же говорят античные писатели о тохарах? Страбон дает перечень наиболее известных кочевых народов, завоевавших у греков Бактрию; это были: асии, пасианы, тохары и сакараулы⁴, вторгнувшиеся со стороны Яксарта⁵. Единственное дошедшее до нас связанное изложение парфянской и бактрийской истории принадлежит Помпею Трогу (I в. до н. э.) в выписках Юстина (I в. н. э.). Помпей Трог завоевателями Бактрии и Согдианы называет сарауков и асианов, принадлежавших к «скифским племенам»⁶. Тохары здесь не упомянуты. У того же автора в конце «Про-

¹ «Иран», ИАН, I, 1926, стр. 39—40.

² Г р у м - Г р ж и м а й л о, Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии, 1898, стр. 5—6; ср. ZDMG, т. 91, стр. 261 прим.

³ См. его монографию «К исторической географии тохаров», М., 1913, стр. 111—112, отд. отт. Указанием на работу Бронникова я обязан проф. В. И. Анучину.

⁴ Gutschmid предлагал читать: сакарауки. См. его «Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergange der Arsaciden. Tübingen, 1888, стр. 58, прим. 3. Работа Gutschmid'a не потеряла своего значения до нашего времени. По словам Schwenther'a, Zur Erforschung des Tocharischen, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», т. 64, 1937, стр. 89—90, статья W. W. Tarn'a «Seleucid-Parthian Studies», помещенная в «Proceedings of the British Akad.», XVI, 1930, стр. 105 сл. (особенно I глава), является дополнением и в некотором отношении исправлением работы Gutschmid'a. Ср. новейшую работу Tarn'a «The Greeks in Bactria and India». Cambridge, 1938.

⁵ S t r a b o, XI, VIII, 2 (стр. 438). В тексте сказано следующее: μέγιστα δὲ γινώσκων γεγόνασι τῶν υερμάτων σὶ τοῦς Ἕλληνας ἀπελόμηνοι τὴν Βακτριανήν, Ἄσαιο καὶ Πασιανοὶ καὶ Τόχαροι καὶ Σακαραυλοὶ (καὶ) ὀρηθέντες ἀπὸ τῆς περσείας τοῦ Ἰσάαρου τῆς κατὰ Σάκας καὶ Σογδιανούς, ἢ κατὰ τὸν Σάκας. О принадлежности этого известия Аполлотору артамитскому (I в. до н. э.) через Посидония родосского см. ИАН, 1916, стр. 826, прим. I и ZDMG, 1937, т. 91, стр. 244 прим.

⁶ У Юстина, «Prologus», lib. XLI, изд. F. Rühl (Leipzig, 1886) сказано: «In Bactriam autem rebus ut a Diodoto rege constitutum est: deinde quo regnante Scythicae gentes Saraucae et Asiani Bactra occupavere et Sogdianos». Решающие в тексте слова: «deinde

лога» 42 асианы названы «царями тохаров» (*reges Thosarorum Asiani*). Подробностей об этом мы не знаем, так как специальная глава Трога, носившая заглавие «Как асианы сделались царями у тохаров», до нас не дошла. Однако отсюда был сделан вывод, что Трог знал асианов как господствующее племя у тохаров¹.

Исторические события, на которые намекают отдельные места указанных авторов, стали более ясными благодаря подробному их изложению у Юстина (в книгах XLI и XLII). Впервые сведения Юстина были правильно объяснены в указанном труде Gutschmid'a². Из текста Юстина (XLII, 1—2) мы узнаем следующее. После смерти Митридата парфянского власть перешла к его сыну Фраату II (ок. 138—128 гг. до н. э.), который, видя угрозу для своего государства со стороны Антиоха VII сирийского, призвал на защиту своих владений скифов (в 130/129 гг.)³. Скифы прибыли после окончания войны, и под этим предлогом им было отказано в обещанной награде. Сожалея о том, что им напрасно пришлось совершить длинный путь, кочевники потребовали вознаграждения за свои труды или использования их против другого врага. Рассердившись на пренебрежительное к ним отношение со стороны парфян, они начали опустошать их границы. Фраат отправился против них, доверив страну некоему Гимеру. В войсках Фраата находился отряд греческих солдат, взятых в плен в войне с Антиохом, с которыми он обходился надменно и жестоко. Видя тяжелое положение парфян, отряд перешел на сторону врагов. Фраат потерпел поражение и сам был убит. Ему наследовал его дядя Артабан (128—123 гг. до н. э.). Скифы, довольные тем, что парфяне побеждены и их владения опустошены, повернули домой. В войне против тохаров Артабан был ранен и умер⁴. Это произошло в 124/123 гг. до н. э. Сын Артабана Митридат II (123—87 гг.), восстановивший сильно стесненное парфянское государство, с успехом боролся со скифами и отомстил за оскорбление, нанесенное его предшественникам.

Следующий по времени писатель Плиний (NH, VI, 20) перечисляет народы с востока на запад в следующем порядке: аттакоры, или серы (индийские *uttarakuru*)⁵, фуны⁶, (=фауны, которых теперь едва ли не все исследователи отождествляют с хуннами), тохары и касиры, причисленные к индийцам, но живущие в сторону Скифии. У Дионисия Периегета (II в. н. э.) после саков следуют тохары, фруны (=фауны) и «варварские народы серов»⁷. Сведения Плиния, Дионисия и Авиена не дают ясного представления о местожительстве тохаров до их вторжения в Бактрию. Тохаров знает и Птолемей (II в. н. э.) как «большой народ» в Бактрии⁸. Gutschmid, (op. cit., 70), рассматривая это известие Птолемея, пришел к выводу, что Страбон и Птолемей почерпнули сведения

quo regnante» были предметом спора между исследователями текста. В издании С. Н. Frotscher'a (Leipzig, 1830) мы читаем: «deinde quo repugnante», а в изд. J. Seep (Leipzig, 1859) дано совсем иное толкование этой фразы: «deinde qua re pugnantes». Различные конъектуры, предложенные издателями текста, не дают возможности установить действительное положение дела. По монетным находкам известно, что не только Диодот (ок. 250 г. до н. э.), но и его преемники примерно до 140 г. до н. э. владели Бактрией как самостоятельные цари. См. G u t s c h m i d, op. cit., стр. 58.

¹ Charpentier, ZDMG, 1917, т. 71, стр. 370.

² См. стр. 75; ср. стр. 58, прим. 4.

³ В «скифах» Юстина некоторые исследователи хотели видеть сакарауков. Ср. G u t s c h m i d, op. cit., стр. 77, прим. 2.

⁴ Ю с т и н, XLII, 2, 2. Это, если не ошибаюсь, единственное место у Юстина, где упомянуты тохары.

⁵ У Charpentier, op. cit., стр. 354—355, сказано, что аттакоры жили в районе Кукунора и истоков Хуанхэ. Richthofen сближал их с тибетскими кочевниками Nokiang, жившими в тех же местах. Charpentier в этом сомневается и со своей стороны хотел бы видеть в Attacori видоизмененное Tochari, Thosari, что, на наш взгляд, противоречит контексту. О серах см. в статье Бартольда в ИАН, 1916, стр. 823—828.

⁶ Такое чтение предложил Gutschmid, стр. 45, прим. 1. В тексте стоит: Phzuri.

⁷ «Geographi Graeci minores». Ed. C. Müller, 1861, стр. 151 (vers. 752). В тексте мы имеем: καὶ Τόχουροι Φροῦνοι τε καὶ ἔθνη βάρβαρα Σηρών. См. там же, стр. 348, комментарий Евстафия к указанной цитате Дионисия. О тохарах упоминает еще А в и е н, *Descriptio orbis terrae*. См. там же, стр. 185, vers. 933—935: «Inde cruenti sunt Tochari, Phrunique truces et inhospita Seres arva habitant».

⁸ «Geographia». Ed. C. F. A. Nobbe, Leipzig, 1845, lib. VI, cap. 11, § 6; в другом месте (VI, 12, 4) тохары названы рядом с ятиями (Ἰάτια), живущими на Яксартѣ.

о четырех народах, вторгнувшихся в греко-бактрийское царство, из одного источника, который говорит об этих народах в момент их нашествия. По Страбону, вместе с тохарами в разрушении греческой власти в Бактрии участвовали асии, пасианы и сагараулы (сагарауки). Птолемей помещает сагарауков (VI, 14, 14) за оксийскими горами (по Gutschmid'у, это—цепь гор вправо от нижнего течения Окса), а пасиков (вероятно, страбоновы пасианы) в Согдиане; непосредственно за последними на среднем Яксарте указаны ятии (страбоновы асии) и тохары. Говоря в другом месте о тохарах как о «большом народе» в Бактрии, Птолемей, повидимому, руководствовался более поздним источником. Землеописание Орозия, относящееся ко времени Агриппы и Августа, помещает сагарауков в горах Партау, между даями (даями) и Парфиеною, т. е. недалеко от долины реки Атрека (Gutschmid, op. cit., стр. 70). Совершенно невероятно, на наш взгляд, мнение Бронникова, по которому Птолемей, помещая тохаров на Яксарте, под последним понимал не Сыр-Дарью, а Тарим или один из его притоков (op. cit., стр. 107). Историк IV в. н. э. Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 57) говорит о тохарах как о господствующем народе в Бактрии.

Византийские писатели знали тохаров, но они, как указывает Charpentier (op. cit., стр. 371), не дают нам более подробных сведений о них. Во всяком случае несомненно, что в эпоху раннего средневековья тохары были известны как оседлые жители Бактрии. Yule, рассматривая заметку о тохарах (Tukhara) в индийской Махабхарате, подносящих царю Пандаве произведения серов, заключил, что автору данного рассказа Махабхараты тохары скорее были известны как соседи Китая, чем как обитатели подножия Памира¹. Едва ли можно с уверенностью говорить о тождестве тохаров с ассирийскими Tuḥarru (Tuḥurru, Tuḥirru), упоминаемых в анналах Синнахериба (705—681 гг. до н. э.), по той причине, что, во-первых, самое чтение названия окончательно не установлено: новый издатель анналов читает не Tuḥarru, а Tumurru²; а во-вторых, из самих же ассирийских надписей можно заключить, что даже в эпоху расцвета могущества Ассирии (IX и VIII вв. до н. э.) войска ассирийцев не заходили на Восток дальше Демавенда³. Уравнение тохары = Tuḥarru ассирийской надписи Бронников признает доказанным (ук. соч., стр. 49—65). Этот же исследователь считал возможным повторить устаревшее мнение Vasconcellos Abreu об идентификации тохаров с Tsekkariou (или Takkeri, Zakkari) египетской надписи Рамсеса III (1200—1168 гг. до н. э.) и даже трактовать, выражаясь словами Бронникова, «о расовой связи среднеазиатских таджиков (Tou-ho-lo—китайцев, Tukhâre—Махабхараты, Tokhari и Thagori—Птолея) с Tukhari (sic!—И. У.) надписи Синнахериба, а следовательно, и с Tsekkariou» (ук. соч., стр. 83 сл.). В построении своей теории автор исходил из факта, для него несомненного, о «выходе припамирских таджиков из Месопотамии» (ук. соч., стр. 92).

В перечне завоевателей Бактрии у Страбона на первом месте названы асии, которых скорее всего можно отождествить с асианами Трога. На втором месте у Страбона стоят пасианы, которые у других писателей не встречаются. Большинство исследователей хотели это название как-то изменить и вместо "Ἀσιαι καὶ Πάσιαναι (так у Страбона) читать "Ἀσιαι ἢ Ἀσιανοί. У Птолемея вместо асиев и пасианов Страбона названы народы ятии и пасики. Marquart⁴, опираясь на якобы старокитайское название юе-чжи в форме * Get (Goât)-ti, хотел видеть в последней измененную передачу Γασσιανοί < Πάσιαναι и отождествить их с "Ἀσιαι (Ἰάσιαι). Против звуковых реконструкций Marquart'a теперь высказался синолог Haloun⁵. Gutschmid (стр. 71), рассматривая вопрос о завоевателях Бактрии, пришел к выводу, что таковыми были тохары и что «слова: асианы, асии, ятии и юе-чжи—все более или менее удачные попытки передать, вероятно, трудно произносимое название главной тохарской орды». По Tarn'у, Πάσιαι = Πάρσιαι были племенем массагетов при отделении их от асианов, которые отождествлены с асиями

¹ JRAS, 1873, стр. 95, прим. 2. Ср. ZDMG, т. 71, стр. 371—372.

² ZDMG, 1937, т. 91, стр. 317, прим. 1.

³ В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., 1902, стр. 3.

⁴ См. его «Erānšahr nach d. Geographie des Ps. Moses Xorenac'i», 1901, стр. 206.

⁵ ZDMG, 1937, т. 91, стр. 259—260. Ср. de Groot, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, I, 1921, стр. 47; II, 1926, стр. 96).

(=ārsi)¹. Попытки сблизить Πασιασί Страбона с упоминаемыми у него же Ἀπασιάσαι² успеха не имели³. Показания греко-римской историографии дают нам возможность идентифицировать асиев или асианов (пасианов) Страбона (=асианов Трога) с ятиями и пасиками Птолемея.

Перейдем к сакараулам. Затруднение в объяснении этого названия заключается прежде всего в том, что мы точно не знаем правильного произношения имени этого народа. Проще всего было бы отождествить сакараулов или сакарауков Страбона с сарауками Трога; у Птолемея названы Σαγαραύλαι (VI, 14, 14). Упоминаемые у Геродота (III, 93) и у Плиния (VI, 16, 18) саранги едва ли имеют что-либо общее с сарауками Трога. По Геродоту, саранги вместе с сагартиями (Σαγάρτιαι) входили в состав 14-й сатрапии. Классические писатели перечисляют ряд народов, принимавших участие в завоевании греко-бактрийского царства, тогда как китайцы упоминают только об одном государстве завоевателей в Бактрии. Gutschmid считал тохаров завоевателями Бактрии, а упоминание сакарауков или сарауков он объяснял тем, что сакарауки завоевали Маргиану, прежде составлявшую часть бактрийского царства, и что эта область потом была отнята парфиянами. Можно, однако, предположить, что сакарауки в качестве отдельного племени входили в состав народа юе-чжи, о котором говорят китайские источники. В конце «Пролога» 42 Помпей Трог обмолвился об «interitus Sakaorum», что объясняли порабощением их соседними тохарами. Совершенно неясно, к какому времени может относиться это событие. Было высказано предположение, что разрушение царства сакарауков не могло быть ранее 70 г. до н. э.⁴ Charpentier полагал, что часть сакарауков, после порабощения их тохарами, могла эмигрировать на восток и вторгнуться в Индию. Встречающееся в индийском тексте название Sakakūla (sagakūla) сблизжали (впервые Jacobi) с греческим Σακάρουλοι, Σαχαραύλαι. Высказанное Charpentier предположение о родстве сакарауков с сарыкольцами едва ли можно признать удачным. До Charpentier сакарауков с сарыкольцами сблизжал Бронников (ук. соч., стр. 108 сл.). Можно предполагать и другое. Если сарауки (сакарауки) были порабощены тохарами, то возможно, что часть из них могла эмигрировать не только на восток, как полагал Charpentier, но и на запад, в пределы современного Туркменистана. Еще Brunnhofer птолемеевых сагарауков отождествлял с сагартиями (см. выше), которые, по Стефану Византийскому (V—VI вв.), населяли полуостров к северу от Кара-Бугаза⁵. Аристов пытался искать в туркменском племени сакаров в бассейне средней Аму-Дарьи осколки древних сакарауков (сакараулов)⁶. Во всяком случае вопрос о сакарауках остается до сего времени открытым для дальнейшего изучения.

Этим, повидимому, и ограничиваются сведения западных источников о тохарах и о народах, так или иначе с ними соприкасавшихся.

Итак, на основании данных античных источников мы можем сделать лишь один вывод: тохары были среди других завоевателей греко-бактрийского царства во II в. до н. э., вторгнувшихся из-за Яксарта (Сыр-Дарья), и эти тохары, повидимому, уже в эпоху раннего средневековья, составляли оседлое население Бактрии.

II

Греко-римские историографы говорят о кочевниках—завоевателях Бактрии в момент их вступления на бактрийскую почву. Более подробно о них сообщают китайские летописи; в них передвижение кочевых народов с востока на запад, вызвавшее падение греко-бактрийского царства, стоит в связи с образованием на границах Китая первой известной в истории кочевой империи хун-ну. Народы, побежденные хун-ну и от-

¹ Ibid., стр. 254, прим.

² Страбон, ук. изд., стр. 440, 29; у Полибия (II в. до н. э.): Ἀπασιάσαι (X, § 48); у Птолемея: Ἀπασίαι Σαχάσαι (VI, 14, 12).

³ ZDMG, т. 71, стр. 366.

⁴ Ibid., стр. 367.

⁵ Ibid., стр. 369.

⁶ ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 197.

тесненные ими далее на запад, упоминаются у китайцев под названием у-сунь и юе-чжи (юе-ши). Народ юе-чжи после поражения его хун-ну пришел в движение. Незначительная часть, так наз. «малые юе-чжи» (сяо-юе-чжи), вероятно, отступила перед натиском хун-ну в район Нань-шаня, а остальная масса, «большие юе-чжи» (да-юе-чжи), направилась на запад, где столкнулась с саками (сэ) и вытеснила последних в северный Тянь-шань. Разгром саков юе-чжи, вероятно, произошел в районе верхнего Или, Чу и Нарына. Часть саков, повидимому, вошла в состав народа юе-чжи. Здесь господство юе-чжи длилось недолго. Другой народ, также находившийся в вассальной зависимости от хун-ну, у-суни, кочевавший первоначально в бассейне реки Булундзир, напал на юе-чжи и потеснил их далее на запад. Часть юе-чжи могла остаться у у-суней в качестве их подданных. У-суни занимали теперь обширную территорию, примерно от Эби-нора на востоке и до Ферганы на западе. отождествление у-суней с асианами Помпея Трога, впервые, если не ошибаюсь, предложенное Deguignes'ем (XVIII в.), едва ли вызывает сомнение. Однако в пользу такого сближения нельзя привести никаких доказательств, кроме сходства звуков. Попытки отдельных ученых исторически доказать уравнение: у-суни = асианы, ни к чему не привели. Charpentier¹ ставил вопрос шире и стремился доказать, что асии = асианам = у-суням = ааламам (осетины) (подробно см. ниже). Немецкий синолог Haloun, специально занимающийся у-сунями, считает проблематичным отождествление у-суней с асианами и асиями². По Haloun'у, у-суни были «das ursprüngliche ethnische Substrat der die beiden «tocharischen» Dialekte sprechenden Bevölkerung Ostturkestans». Недавно Henning при построении своей теории (о ней см. ниже) исходил из предположения, что ārsī (см. ниже), ārsīn (орхонских надписей) и у-сунь—одно и то же название³. Заслуживает внимания предложенная еще в 1896 г. Аристовым идентификация племенного подразделения, существующего у узбеков и казахов, уйшинов или уйшунов, с у-сунями⁴.

Как теперь доказывают, первая фаза движения юе-чжи из Гань-су к берегам Или имела место примерно между 174 и 160 гг. до н. э., а вторую фазу их движения из Тянь-Шаня в Бактрию относят к 133—129 гг. до н. э., что вполне соответствует данным западных источников (см. выше). По мнению Haloun'а, удар кочевников был направлен всецело на Бактрию, а потому он полагает, что должно отпасть высказанное ранее предположение, что юе-чжи завоевали у греков Согдиану уже в 159 г. до н. э.⁵

Чжан-цзянь, отправленный китайцами на запад для подыскания союзников против хун-ну (у юе-чжи он был, вероятно, около 129 г. до н. э.), покоренную юе-чжи область Бактрии называет Да-ся (Ta-hia, Ta-sia). Вопрос о тождестве Да-ся с тохарами впервые был поставлен Kingsmill'ом⁶; потом он был подробно рассмотрен Marquart'ом⁷, который выдвинул гипотезу о переселении в Бактрию народа Ta-hia = =Тохары из Восточного Туркестана⁸. Вопросу о старых Ta-hia (ältere Ta-hia) китайских источников синолог О. Franke посвятил специальную статью, где приходит к выводу, что еще в XII в. до н. э. народ Ta-hia = тохары был известен китайцам, а предания о нем восходят к периоду более чем за 1000 лет до этого времени⁹. Franke не считается с толкованиями китайских источников, определенно проводящих различие между Ta-hia—областью в пределах Китая и Ta-hia—тохарами в Бактрии. Он считает доказанным не толь-

¹ ZDMG, т. 71, стр. 357—365.

² Ibid., т. 91, стр. 254.

³ BSOS, IX, 1938, стр. 503, прим. 4.

⁴ ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 201.

⁵ G u t s c h m i d, op. cit., стр. 50, 62; Бартольд, Ист.-геогр. обзор Ирана, стр. 12.

⁶ JRAS, 1882, стр. 74 сл.

⁷ Erānšahr, стр. 200—210.

⁸ Ср. ZDMG, т. 91, стр. 255, 258—262, 289—290.

⁹ «Ostasiat, Zeitschrift», Jahrg. 8, 1920, стр. 117, 118, 130, 134. О. Menghin, опираясь на теорию Franke, предполагал, что древние жители Гань-су, Ta-hia = тохары, были носителями «культуры Ян-шао», родственной трипольской культуре на Украине. E. S c h w e n t n e r, Tocharisch, Grundriss der indogermanischen Sprach- und Altertumskunde, 1935, т. 5, стр. 20.

ко уравнение «младшие» Та-hia = тохарам, но и «старые» Та-hia в провинции Гань-су также, по его мнению, были тохарами¹. Теория Franke подверглась всестороннему разбору со стороны Haloun'a в работе, посвященной критическому рассмотрению сведений о Та-hia, встречающихся в китайской литературе до экспедиции на запад Чжан-цзяня². Автор отнесся отрицательно к уравнению Та-hia = тохары и сомневается в отождествлении юе-чжи с асианами, асианов с ārsī (стр. IV, ср. стр. 202). Выводы Haloun'a по интересующему нас вопросу кратко сводятся к следующему (стр. 201). Та-hia—чисто китайское название, восходящее к имени древней династии Hia, и является в первую очередь названием культовым. Следовательно, возводить его к транскрипции имени инородческого народа нельзя. Источники с III до I вв. до н. э. допускают тождество области Т'ai-hia с юго-западным Шань-си. По мнению Haloun'a, уравнение Чжан-цзяня: Та-hia = Бактрия проще объяснить тем, что Чжан-цзянь предполагал открыть в этой стране известный ему по преданию мифический окраинный народ и поэтому назвал ее Та-hia, чем предполагать, что он этим названием хотел передать имя обитавшего в Бактрии народа, известного у западных авторов под именами Τόχαροι, Tukhāra, Tušara, и т. д.³ Вопрос о термине Та-hia (Та-сия) и его отношении к тохарам после исследования Haloun'a, к выводам которого в целом вполне присоединился французский синолог Maspéro⁴, теперь можно считать достаточно выясненным. Менее выяснено выдвинутое некоторыми учеными (Ritter, Vivjen de Saint-Martin, Sten Konow и др.) сближение по созвучию Да-ся с даями (Dai, Dahae), о местоположении которых на берегах Каспийского моря говорит, между прочим, Страбон (XI, 7). Заслуживает внимания сближение даев с именем туркменского племени теке⁵.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тождество греческого Τόχαροι (Τάχαροι, Τάυραροι), стариндийского Tukhāra (Tuḥkhāra, Tušara) и китайского Tu-huo-lo (Tu-ho-lo) в анналах Вэйшу (VI в. н. э.). Затруднения начинаются, как только мы обратимся к старым китайским историческим произведениям (прежде всего «Ши-цзи» Сы-ма-цзяна (II—I вв. до н. э.) и «Истории старших Хань»), которые не знают Ту-хо-ло, но говорят только о юе-чжи. В 1756 г. Deguignes первый сопоставил китайские известия о народе юе-чжи и выдвинул уравнение: юе-чжи = ту-хо-ло = индоскифы византийских историков. Тождество: юе-чжи = Tu-ho-lo = Tukhāra = тохары (индоскифы) пытался обосновать Richthofen в своем классическом труде «China»⁶. К выводам Richthofen'a присоединились Gutschmid и Max Müller в 1884 г. Позже было установлено, что тохары не являются индоскифами старых историков. Тем не менее Sieg и Siegling в 1908 г. доказывали, что тохарский язык есть язык индоскифов⁷. В 1904 г. Franke вновь сопоставил китайские известия о юе-чжи⁸. В вопросе об их происхождении автор делает попытку сблизить названия китайских да-юе-чжи и греческих массагетов⁹. Отметим, что вопрос о взаимоотношении между терминами «юе-чжи» и «куши» (кушан) также, по видимому, не может считаться вполне выясненным, ибо, как теперь полагают, китайские источники не дают ясных доказательств о принадлежности их к юе-чжи¹⁰. По мнению Franke, юе-чжи не могли издревле жить на границах Китая, так как китайцы узнали

¹ Franke, op. cit., стр. 129—130. Ср. ЗКВ, II, стр. 201—202.

² Haloun, Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt? I. Leipzig, 1926.

³ Ср. ZDMG, т. 91, стр. 290.

⁴ JAs, I, 1927, стр. 145.

⁵ ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 197.

⁶ «China», I. Berlin, 1877, стр. 439, прим. 5.

⁷ SPAW, 1908, стр. 915—984.

⁸ O. Franke, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904.

⁹ Из современных западноевропейских ученых мнение Franke разделяет Sten Konow. В. В. Бартольд был решительным противником сближения да-юе-чжи с массагетами (см. например, ЗВО, XI, стр. 343, прим. 1). Charpentier также отрицательно относится к такому сближению (op. cit., стр. 375). С. П. Толстов, по видимому, держится противоположного взгляда в данном вопросе (ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 198).

¹⁰ ZDMG, т. 91, 257 прим.

об их существовании только во второй половине III в. до н. э. Автор полагал, что юе-чжи переселились сначала с запада, из Средней Азии, на восток, к границам Китая, а потом, под давлением хун-ну, вернулись на запад (стр. 25). Теория Franke о переселении юе-чжи с запада на восток, а затем обратно на запад, о чем не говорит ни один источник, не получила никакого распространения. Недавно этой проблеме посвятил специальное исследование синолог Haloun¹, который пришел к выводу, что тохары были юе-чжи как в Бактрии, так и в Нань-шане. Остается, однако, открытым для дальнейшего выяснения обратное уравнение, т. е. были ли юе-чжи только тохарами, или же китайское название, наряду с тохарами, включает и другие народы Страбона (ср. 290; ср. стр. 283—284). Однако общая тенденция Haloun'a сводится к тому, чтобы показать, что не только тохары были юе-чжи, но и юе-чжи были тохарами. В своей теории Haloun опирается на *Ἰνδοί* Птолемея (VI, 16). Встречающееся в согдийских рукописях, найденных в Дун-хуане, слово *ḡw"n* (*ḡwūwān*), отождествление которого с Дун-хуаном не вызывает сомнения, также идентифицировали с *Ἰνδοί* Птолемея². Птолемеевых *Ἰνδοί*, находящиеся к юго-востоку от *Ἰνδοί*, Haloun связывал исключительно с малыми юе-чжи восточного Алтын-тага и горной цепи Рихтофена (стр. 266, 280—281). Сакское *Ttagara* (=тол. *Ἰνδοί*)³ и тибетское *Phod-kar* (с вариантами) также привлечены Haloun'ом для того, чтобы доказать нахождение малых юе-чжи в Нань-шане (стр. 284—285). Но, пожалуй, самым важным доводом у Haloun'a является свидетельство *Kumāradj-va* (ум. 413 г. н. э.), который китайское *Tou-k' u-lo*, санскритское *Tukhāra* транскрибировал как *Siao-Yue-tche* (малые юе-чжи). По мнению Haloun'a, это доказывает, что *Kumāradj-va* знал, что «малые юе-чжи» области Нань-шаня называли себя «тохарами» (стр. 280). Однако, по справедливому замечанию Henning'a, едва ли можно согласиться с тем, что эта интерпретация, ранее рассмотренная S. Lévi и отвергнутая затем P. Pelliot, является единственно возможной⁴. Не будучи в состоянии установить фонетическую связь между терминами «тохары» и «юе-чжи», привлекая для этой цели архаические китайские орфографии этого названия, Haloun, в конце концов, предложил считать китайскую форму* *zgujja*(ka) за название скифов, добавляя при этом, что китайцы могли считать тохаров скифами. Такое решение вопроса, по мнению исследователя, позволяет устранить трудности при сличении и не вызывает внутренних противоречий. Но при этом остается открытым следующий вопрос: относилось ли это обозначение с самого начала только к тохарам? Да и самое уравнение юе-чжи = скифы нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением неиспользованных еще исторических и археологических материалов. Исходя из имеющихся уже данных, Haloun считает возможным появление названия скифов в VII в. до н. э. также и на китайской границе (стр. 316—317). Если бы мы знали, как сами юе-чжи называли себя в то время, когда была создана китайская транскрипция их имени, то, вероятно, вопрос решался бы значительно проще. Если тохары действительно были скифами, то можно будет поставить вопрос об яфетизме тохаров, так как в пользу яфетического происхождения скифов в свое время определенно высказались Н. Я. Марр⁵ и Б. В. Фармаковский⁶.

Итак, мы видим, что первый исследователь интересующего нас вопроса, Deguignes, в 1756 г. выдвинул уравнение: юе-чжи = ту-хо-ло = индоскифы, а последний по времени ученый, занимавшийся этим же вопросом, Haloun, в 1937 г. пришел к выводу, что: 1) тохары = юе-чжи в Бактрии и Нань-шане и 2) тохары = юе-чжи = скифы. Если первое уравнение Haloun считает доказанным, то второе требует дальнейшего уточнения и подтверждения.

¹ Zur *Üe-tsi-Frage*, ZDMG, т. 91, 1937, стр. 243—318.

² BSOS, VIII, 1937, стр. 888, 893; T'oung Pao, 1936, стр. 262—263.

³ По определению Bailey (BSOS, VIII, 885), *Ἰνδοί* лежала близ китайского Гань-чжоу в провинции Гань-су. Ср. мнение Clauson'a, JRAs, 1931, стр. 309; *ttagara* в Тохаристане.

⁴ BSOS, XI, 1938, стр. 562; ср. JAs, CCXXIV, 1934, стр. 44—45.

⁵ «Яфетический сборник» 1, 1922, стр. 67—132.

⁶ «Русский исторический журнал», кн. 7, 1921, стр. 206.

III

Вопрос о ближайшем определении открытых в Центральной Азии неизвестных прежде индоевропейских литературных языков был предметом спора среди ученых Западной Европы. Последние исследования, нам доступные, показывают, что этот вопрос до сих пор окончательно не решен. Язык, который первое время называли «тохарским» (не-иранский индоевропейский язык Центральной Азии), обозначив его предвзвременно языком I (впервые предложено Leumann'ом, который раньше называл его «нашгарским»), теперь именуют также кучарско-карашарским, находя в нем два различных наречия, А и В (Sieg и F. W. K. Müller язык кучарско-карашарский продолжали называть «тохарским»). Язык II, иранский по грамматическому строю, теперь обычно называют «сакским» (у Lüders'a «язык Saka»), «древнехотанским» (Lüders), «восточно-иранским» (Lüders, Pelliot) и даже «северноарийским» (Leumann). Staël-Holstein доказывал, что на название «тохарский» имеет больше прав язык II. В своей теории он исходил из того факта, что язык I был в употреблении в округе Кучи, а язык II—в округе Хотана. Известий о тохарах близ Кучи нет, тогда как определенно говорится о тохарах близ Хотана. К доводам Staël-Holstein'a присоединились E. Smith, Н. Миронов и одно время Sten Konow. Какие собственно народы говорили на этих языках, мы не знаем. Когда F. W. K. Müller на примере показал, что уйгуры занимались переводом буддийских произведений на тюркский язык с языка, который уйгуры называли *toḡrı*, сейчас же было высказано мнение о тождестве *toḡrı* (*tuḡrı*) с *τοῦροι* греков, *tukhāra* индийцев и *tu-ho-lo* китайцев. Начался спор не о народе, а о языке, т. е. к какому языку надо отнести уйгурское *toḡrı*. Очень определенно по этому вопросу высказались Müller и Sieg, которые утверждали, что «язык, который тюрки называли «*toḡrı*», есть язык, который мы теперь обозначаем «тохарским А»¹. Позже в «*Tocharische Sprachreste*» (изд. Sieg и Siegling в 1921 г.) было высказано мнение, что наряду с санскритским язык А вместе с буддизмом был перенесен из Бактрии (позднейший Тохаристан) в область Турфана (стр. IV). По Lindquist'у, *toḡrı* есть уйгурское название согдийского языка². Sten Konow³ полагал, что у уйгуров *toḡrı* служило для обозначения жителей Тохаристана—как тохаров, так и не-тохаров. Pelliot обратил внимание на то, что название *toḡrı* встречается только в уйгурских текстах и его нет в текстах языка I; по его мнению, *toḡrı*—название страны Тохаристан, а термин «тохарский» есть чисто-географическое обозначение языка А⁴. Вопрос осложнился, когда Sieg в 1918 г. нашел в рукописи диалекта А термин *ārśi*, в котором он видел местное обозначение языка, называемого уйгурами *toḡrı*. Müller предлагал признать в *ārśi* асиев, асианов = юе-чжи. Позже Sieg и Siegling рассматривали *ārśi* как собственное имя без намек на его возможную эквивалентность с тохарским языком. Sten Konow допускал фонетическое сближение *ārśi* с асиями, но отвергал сближение с юе-чжи. Теория S. Lévi о тождестве *ārśi* с китайским An-si в значении «Ouest Pacifié» была встречена в ученых кругах Западной Европы очень скептически. Pelliot считает идентификацию *ārśi* = 'Асиа «*aventurée ou du moins prématurée*». По справедливому замечанию французского сиолога, термин *ārśi* остается неясным по своему происхождению, смыслу и способу употребления.

Атаку против уравнивания: язык А = тохарскому, предпринял Bailey в статье «*Ttau-gaga*»⁵. Основываясь на данных Сюань-цзана (VII в. н. э.) о системе письмен, употреблявшихся в Восточном Туркестане, Согдиане и Тохаристане, Bailey стремится доказать, что в Бактрии в то время для литературных целей был в употреблении греческий шрифт в соответствии с эфталитскими монетными надписями (господство эфталитов длилось с половины V до половины VI в. н. э.) и рукописными фрагментами, найденными в Турфане (стр. 891—892). Шрифт этих фрагментов называли семитическим курсивным,

¹ SPAW, 1916, стр. 410; ср. *ibid.*, 1918, стр. 575.

² «*Le Monde Oriental*», 1918, № 12, стр. 65 сл.

³ «*Asia Major*», 9, 1933, стр. 455—466.

⁴ JAs, 1934, стр. 33—34.

⁵ BSOS, VIII, 1937, стр. 883—921.

шрифтом эфталитов и греко-бактрийским. Таким образом, система письма, употреблявшаяся в Тохаристане, была известна также в области Турфана, а название *toṣṣī* (*toṣṣī*, *toṣṣī*), следовательно, относилось к литературе Тохаристана, написанной греческим шрифтом и засвидетельствованной только для турфанской области. Поэтому, — поясняет Bailey, — название *toṣṣī* не имеет отношения к памятникам, найденным в Турфане и написанным на брахми, язык которых обычно обозначают «тохарским А», а на их собственном наречии он известен как язык *ārśī*. Термин «*ārśī*» Bailey пытался объяснить из *ārśa, санскр. *ārya*. Высказывается предположение, что язык Тохаристана был иранским диалектом. Следовательно, язык *ārśī* не мог быть перенесен из Бактрии вместе с буддизмом в область Турфана, как предполагал Sieg (см. выше). Pelliot¹, соглашаясь с Bailey, что под *toṣṣī* уйгурского колофона можно понимать только тохарский язык, который узнал Сюань-цзан в Тохаристане, обратил внимание на тот факт, что в турфанской области было найдено только несколько фрагментов, написанных греко-бактрийским шрифтом, тогда как текстов на языках А и В было обнаружено большое количество. Остается в таком случае загадочным, каким образом уйгуры Турфана подошли к переводу буддийского памятника на язык столь далекого от них Тохаристана².

Совершенно иное освещение вопроса о тохарах недавно предложил Henning в статье «*Argi and the Tokharians*»³. Автор ставит вопрос так: если *toṣṣī* (*toṣṣī*) уйгурских текстов не относится к Тохаристану, то, спрашивается, какую страну, какой народ и какой язык следует понимать под этим названием? Henning подробно разбирает второй сакский документ, датируемый издателями F. W. Thomas'ом и Sten Kopow'ым второй половиной VIII в. н. э.⁴ Этот документ, содержащий перечень народностей, среди которых, между прочим, упоминаются *ttaugara*, в интерпретации и переводе Henning'a звучит так: *The royal clan Yaqlaqar, the fief tribes *Buqu, *Busqut, Küräbör, Qorbar: these are Tölis. The royal clan Sikär (the fief tribes) t t a u g a r a, Eüäbör, Çariṭ, Yäbütkär, (and) other *ṣilpabut in the Black Mountains: these are called Tarduš. [In (?) Sulmi] the Türk Bayırqu and the Çumul*⁵.

Из текста следует, что *ttaugara* — одно из тюркских племен, входящих в состав народа тардушей, упоминаемых в орхонских надписях⁶. *Ttaugara* помещены в документе после *Sikär*, которых Henning, по нашему мнению, справедливо отождествил с *Si-kie* китайских источников, входящими в состав народа *tölesov*⁷. Однако китайцы ничего не говорят, что *Si-kie* были царским кланом у тардушей (= кит. *Yen-t'ö*). Еще П. М. Мелиоранским было отмечено, что «*töles* и тардуш были, конечно, два так наз. «отделения» племени *огуз*»⁸. Если это так, то *ttaugara* — один из *огузских* родов. В списках делений *огузского* народа, дошедших до нас в трех редакциях [Махмуда Кашгари (XI в.). Фахрэддина (XII—XIII вв.) и Рашидэддина (XIII—XIV вв.)], имеется *огузский* род *tükär*, лингвистически сближаемый Henning'ом с *tükari, т. е. с тохарами. Местоположение *ttaugara* мы можем определить лишь приблизительно. На первом месте названо племя *Sikär* = *Si-kie*, которые, по Chavannes'у (op. cit., стр. 88, прим.), «occupaient l'ancien campement des Yen-t'ö (Tardouch)». Из одного места Тан-шу (XI в.) можно заключить, что тардуши (*Yen-t'ö*) в VII в. находились к северу от Турфана⁹. Далее следуют *ttaugara*, *Eüäbör* и *Çariṭ*, т. е. джаруки (чаруки), местоположение которых у М. Кашгари (1,318) связывается с городом Барчук (ныне Маралбаши). Следовательно,

¹ T'oung Pao, 1936, стр. 259 сл.

² Ср. ЗКВ, I, стр. 311.

³ BSOS, 1938, стр. 545—571; на статью Henning'a обратил мое внимание проф. А. А. Фрейман.

⁴ Two Medieval Documents from Tun-huang. Oslo, Etnograf. Museums Skrifter, т. III, 1929.

⁵ BSOS, IX, стр. 558. Ср. Clauson, JRAS, 1931, стр. 307—309.

⁶ ЗВО, XII, 67.

⁷ Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, 1903, стр. 87, прим. 3.

⁸ ЗВО, XII, стр. 109; ср. там же, XV, стр. 0172—0173.

⁹ Chavannes, op. cit., стр. 175.

ttaugara сакского документа могли обитать в VII—VIII вв. примерно между Турфаном и Маралбаши. Пытаясь точнее определить местоположение ttaugara, Henning обратил внимание на название «четыре tʷyḡu» (область или народ?), встречающееся в согдийской надписи и в других документах. По мнению Henning'a, «четыре tʷyḡu» следует искать где-то между Бишбальком (около современного Гучена) и Кучой в Восточном Туркестане (стр. 550). Характерно, что tʷyḡ(y) встречается только в соединении со словом «четыре». Henning с уверенностью рассматривает «язык tʷyḡu» (toḡri, tʷyḡutili), как язык «четырех tʷyḡ(y)». Sieg в своей последней работе о «тохарском» языке утверждал¹, что tʷyḡutili относится к языку I А, который, как теперь устанавливает Bailey, был языком Карашара или, как ранее предполагал S. Lévi, Карашара и Турфана. Принимая во внимание эти лингвистические соображения, а также утверждение Pelliot, что под языком kūsān уйгурских колофонов следует понимать только язык Кучи², Henning исключает район Кучи из области «4 tʷyḡu», в состав которой таким образом, по мнению исследователя, входили Бишбальк, Коджо (теперь развалины Идикут-шари) и Карашар (стр. 560). Но такое ограничение понятия «4 tʷyḡu» не вяжется с тем значением, какое приписывается «4 tʷyḡu» в карабалгасунской надписи, где они упоминаются почти на одном уровне с могущественными тибетцами. Henning считает вероятным, что tʷyḡ произошло как tuḡr, а это последнее сближается с тибетским dru-gu (durgu). Нам кажется более вероятным сближение dru-gu с китайским t'u-küe. Henning решительно настаивает на замене названия «тохарского» языка «языком tʷyḡi». Заслуживающая внимания теория Henning'a, ставящая тохарскую проблему на новые рельсы, естественно выдвигает для дальнейшего исследования вопрос о взаимоотношениях между tʷyḡar и его вариантами (название Тохаристана), сакским ttaugara (название города и племени), ttahvaga (название, найденное Bailey в сакском документе коллекции Pelliot), «четырьмя tʷyḡr» < tuḡr и тибетским dru-gu. Пока этот вопрос так или иначе не будет в дальнейшем выяснен, во всех теориях о происхождении тохаров будет ощущаться значительный элемент неопределенности.

IV

Открытие «тохарского» языка и его зачисление в круг индоевропейских языков Азии вновь побудили ученых Западной Европы пересмотреть вопрос о так наз. «прародине» индоевропейцев. Впервые об этом вплотную заговорили в 1913 г. в связи с изучением тохарской проблемы. Историк Ed. Meyer³, основываясь на результатах изучения тохарского языка, заключил, что все прежние представления о распространении индоевропейцев опрокидываются; предположение, что тохары двигались с Северного или Балтийского морей в Центральную Азию и через Тянь-шань вторглись в бассейн Тарима в Восточном Туркестане, маловероятно. По мнению Meyer'a, благодаря открытию тохарского языка скорее снова приобретают значение старые гипотезы, согласно которым индоевропейцы пришли из Азии, причем родину их следует искать гораздо восточнее, чем предполагали ранее. Картина движения индоевропейцев представлялась теперь Meyer'у в следующем виде: одна часть индоевропейцев из большого центрально-азиатского плоскогорья шла через арало-каспийские степи на запад, а другая часть двигалась на юго-восток (Иран, Индия); часть же (из группы centum), остаток которых сохранился в тохарах, отстала на востоке. В заключение Meyer счел нужным добавить, что эту гипотезу в целом отнюдь нельзя рассматривать окончательно установленной, что, напротив, в результате более подробного изучения тохарского языка можно ожидать лишь более устойчивой основы для вышеуказанного предположения⁴. Одновременно с Meyer'ом по данному вопросу высказался S. Feist⁵. Опираясь в своей теории на тот факт, что тохарский язык по своим звуковым формам и по своему словарному составу

¹ SPAW, 1937, стр. 130—139.

² JAs, 1934, стр. 61, 106; ср. ZDMG, т. 91, стр. 258, прим.

³ «Geschichte des Altertums», изд. III, 1913, стр. 891 сл.

⁴ S c h w e n t n e r, Tocharisch, 27; ср. ИРАИМК, II, 1922, стр. 364—365.

⁵ «Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen», 1913, стр. 518 сл.

совпадает с западноевропейскими языками (группа centum), Feist указывает, что большое движение индоевропейских народов вышло из недр внутренней Азии, что у нас нет никаких данных утверждать, что тохары переселились из Европы в Центральную Азию; напротив, по данным Страбона, тохары вместе с другими кочевниками пришли из области скифов, лежащей за Яксартом. В тохарах исследователь видит остаток первого эмиграционного пласта из коренного индоевропейского народа, исходную точку которого надо искать примерно в области у Окса и Яксарта. В своих более поздних работах Feist не изменяет своего мнения и попрежнему считает «прямо невероятным» переселение тохаров из Европы¹. Другие, напротив, настойчиво предостерегали от злоупотребления тохарским языком в качестве аргумента за азиатскую «прародину» индоевропейцев (Кнауер в 1913 г., Walde в 1914 г. и др.).

Среди теорий об этногенезе тохаров особое место занимает теория Charpentier². В своей теории автор исходит из предпосылки, для него несомненной, что как у-суни, так и кочевые народы, в том числе и тохары, причастные к падению греко-бактрийского царства, были индоевропейцами. С другой стороны, опираясь на сообщение Помпея Трога об асианах (см. выше), которых Charpentier считает господствующим племенем у тохаров, исследователь заключил, что асианы или асии (у-суни китайцев) были предками позднейших аланов, т. е. подлинными иранцами. Отсюда делается вывод, что «die Tocharer ein indogermanisches Volk nicht-iranischen Ursprungs, dessen herrschender Stamm aber rechte Iranier, Vorfahren der späteren Alanen, waren» (стр. 377). Автор, однако, этим не ограничивается. После длинных рассуждений и ряда выводов, подчас мало обоснованных (см., например, стр. 380 сл.), статья заканчивается следующим резюме: «Die Yüe-ch'i, die späteren Тóчарсi oder Tu-huo-lo, ein nach Zentralasien verschlagener keltischer Stamm waren, die später in Baktrien ein eigenes Reich gründeten, und denen die Sprache, die wir «Tocharisch» nennen, mit Recht zugeschrieben wird. Zu der Zeit, wo sie in Baktrien festen Fuss fassten, standen sie unter der Herrschaft eines iranischen Stammes, das waren die «'Asici oder Asiani, die Vorfahren der späteren Alanen» (стр. 387—388). Мнение о тождестве тохаров с кельтами еще в 1915 г. было высказано Н. Junker 'ом³. Если, как некоторые полагают (например, Meillet), тохарский язык в некотором отношении близок к итало-кельтским языкам, то это еще не доказывает, что тохары были кельтами (ср. Charpentier, стр. 386). Теория Charpentier в ее исторической основе совершенно неудачна уже по одному тому, что ее автор считает возможным рассматривать термин «юе-чжи» как старое название кельтов (стр. 387), переселившихся из Европы вглубь Центральной Азии. Не имея возможности входить в подробный разбор теории Charpentier, мы все же не можем пройти мимо его первого вывода, согласно которому «асии-асианы были предками позднейших аланов». В связи с этим вспомним свидетельство китайской энциклопедии VIII в., Тун-дзянь, где говорится, что страна Су-и, или Су-дэ (по Hirth 'у, это есть Согд или Сугдак, т. е. Согд, Согдиана) называлась также Т'ö-kü-möng, т. е. туркмен. Отсюда Hirth 'ом был сделан вывод, что туркмены—потомки покоренных гуннами аланов⁴. Выше было отмечено, что Henning сближал тохаров с огузским племенем tükär, а в сакском документе VIII в. ttaugara—одно из тюркских племен, входивших в состав народа тардушей, отделения огузов. Нам известно, что термин «огуз» как название народа постепенно был заменен словом «туркмен». Когда произошла эта замена, мы точно не знаем. Наконец, Haloun, основываясь на китайских данных, пришел к выводу, что китайцы могли считать тохаров скифами. Антропологические исследования проф. Л. В. Ошанина, считающего туркмен последним остатком скифо-сарматов, показывают, что характерным признаком туркменского типа является длинноголовость⁵. Любопытно отметить, что, по мнению американского антрополога Roland Dixon 'а, тохары=юе-чжи тоже были представителями длинноголового индоевропей-

¹ Sch w e n t n e r, op. cit., 29.

² «Die ethnographische Stellung der Tocharer», ZDMG, т. 71, 1917, стр. 347—388.

³ А. К р и м ' с к и й, Розвідки, статті та замітки, изд. Украин. Ак. наук, 1928, стр. 403.

⁴ В. Б а р т о л ' д, Очерк истории туркменского народа, стр. 7; ср. ЗВО, XIII, 071, прим. 2.

⁵ «Известия Ср.-аз. комитета по делам музеев...», 1926, I, стр. 153, 175.

ского типа, широко распространенного в Восточном Туркестане¹. Из всего сказанного мы не решаемся делать какие-либо окончательные выводы, так как все эти высказывания являются, по нашему мнению, пока лишь провизорными гипотезами. Несомненно одно, что при дальнейшем изучении тохарской проблемы с ними во всяком случае необходимо считаться.

Особенно обрушился на теорию Charpentier J. Pokorny, который со своей стороны заявлял: «Wir werden die Tocharer als thrako-phrygische Kimmerier ansehen dürfen»². Этот же ученый, выясняя вопрос о первоначальной родине тохаров, обратил внимание на слово «laks» в тохарском языке (В) в значении «рыба» (ср. нем. Lachs, рус. лосось и др.)³. Рассуждения автора таковы: так как лосось встречается только в реках, впадающих в Атлантический океан, откуда поднимается в реки для метания икры, в реках же, впадающих в Средиземное и Черное моря, он совершенно неизвестен, то отсюда, по мнению исследователя, следует, что тохары могли прийти из Средней или Северной Европы. Первоначально тохары могли сидеть на реках, в которых водится лосось, по соседству со славянами⁴. К гипотезе Pokorny в 1935 г. присоединился P. Kretschmer, который принимал во внимание только реки Одер и Вислу. Защитники азиатского происхождения индоевропейцев, считаясь с поразительным совпадением «тохарского» aks и немецкого Lachs, признавали, что часть первобытного индоевропейского населения сидела на реках Балтийского моря⁵. Недавно французский лингвист E. Benveniste, занимаясь определением места тохарского языка среди других индоевропейских языков, пришел к выводу, что «le tokharien est un membre ancien d'un groupe préhistorique (auquel appartenait peut-être aussi le hittite) qui confinait d'une part au baltique et au slave, de l'autre au grec, à l'arménien et au thraco-phrygien»⁶. Основываясь на родственных связях тохарского языка с другими, Benveniste стремится определить местоположение тохаров; которые, по его мнению, жили в районе степей юго-восточной России до Урала, т. е. в зоне между Днепром или Доном до Урала; к западу от них, между Доном и Карпатами, первоначально сидели древние фракийцы, в бассейне Припяти—славяне, а к западу от них—германцы. Мои попытки найти в работах акад. Н. Я. Марра его суждение о тохарах и их языке, к сожалению, успеха не имели. Однако Н. Я. Марром была убедительно доказана стадияльно-, а не расово-субсловенная природа индоевропейских языков и их происхождение из языков другой системы, яфетической, в результате изменения общественных отношений. В одной из своих работ Н. Я. Марр прямо заявил: «Утверждаю, что индоевропейской семьи языков, расово-отличной, не существует»⁷. В связи с этим рушится и самое понятие о «прародине» индоевропейцев—вопрос, который так горячо обсуждался на страницах западноевропейской печати в связи с открытием так наз. тохарского языка и изучением тохарской проблемы.

Реагуируя изложенное, мы можем сделать лишь следующий вывод: вопрос о тохарах в целом основан на сравнительно небогатом фактическом материале, и большинство высказываний имеет значение провизорных гипотез, которые, однако, стимулируют дальнейшее изучение. При современном состоянии наших знаний все рассуждения о тохарах, их языке и происхождении не будут убедительными, пока 1) не будет произведен полный анализ лингвистического материала, добытого в Восточном Туркестане, 2) не будут приведены в известность еще неиспользованные китайские источники о тохарах (=юе-чжи) и еще раз проверены запутанные взаимоотношения раннекитайских и западных сведений о тохарах и, наконец, 3) не будет выяснен преобладающий среди них антропологический тип.

И. Умняков

¹ Л. В. Ошанин, «Изв. Ср.-аз. комитета по делам музеев», 1928, III, стр. 93—94.

² Schwen tner, op. cit., стр. 24.

³ Pokorny, Die Stellung des Tocharischen im Kreise der indogerm. Sprachen. «Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient in Wien», III, 1923, стр. 50 сл.

⁴ Schwen tner, Zur Erforschung des Tocharischen, стр. 94—95.

⁵ Ibid., стр. 95.

⁶ Benveniste, Tokharien et Indo-Européen. «Festschrift für Hermann Hirt», 1936, II, стр. 237.

⁷ См. ДАН, 1924, стр. 6—7.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

1(2)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1938

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«История» Фахрэддина Мубаракшаха

Ta'rikh-i Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh Marvar-rūdi completed in a. d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of Oriental Studies. London, 1927. XX + 84 pp. 8° («James G. Forlong Fund» Series, № 4).

Среди изданий восточных источников, выпущенных в свет в течение последнего времени, любопытным памятником для исследователей Средней Азии является сочинение Фахрэддина Мубаракшаха Мерверруди, до сих пор почти не привлекавшее внимания ученых. «История» Фахрэддина не отличается оригинальностью стиля и написана по образцу более ранних мусульманских произведений, отличаясь от них сжатостью изложения и большей простотой слога. Автор не был путешественником; многие места в его книге имеют компилятивный характер, что свидетельствует об использовании им литературного материала; в то же время мы находим в ней и такие сведения, которые тщетно искали бы в других источниках. Небольшой по объему труд Фахрэддина является, по нашему мнению, интересным источником не только для историка Средней Азии, но и для этнографа и лингвиста.

Персидская рукопись труда Фахрэддина Мубаракшаха была приобретена в Лондоне в 1912 г. А. G. Ellis'ом. С содержанием рукописи ученый мир мог ознакомиться лишь 10 лет спустя по статье D. Ross'a, *The Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh* в сборнике 'Ajab Namaḥ в честь проф. E. G. Browne¹. Автор статьи обещал опубликовать полный перевод этого труда с примечаниями, но затем отказался от своего намерения и вместо полного перевода издал в 1927 г. из 125 листов рукописи только первые 55 листов (в издании выпущены л. 48 б—50 а), содержащие историческое введение к генеалогическим таблицам. Лондонская рукопись датируется Ross'ом XV—XVI вв.

Сведения о Фахрэддине D. Ross нашел у Ибн-ал-Асира (XIII в.), в «Табакат-и Насири» Джузджани (XIII в.), в «Хабиб ус-Сийар» Хандемира (XV—XVI вв.) и в «Хафт Иклим» Амина Рази (XVI в.). Ибн-ал-Асир дважды упоминает имя Фахрэддина (изд. Torngberg XII, 101, 160—161), который «писал хорошие стихи по-персидски и по-арабски» и «владел гостеприимным домом, в котором были книги и шахматы». Там ученые читали книги, а невежды играли в шахматы». Дата смерти нашего историка—шавваль 602 (1205—6 г.), указанная Ибн-ал-Асиром, не соответствует действительности, так как в самой рукописи упомянуты 11 и 17 числа месяца зу-л-ка'да 602 г. х. (Фахрэддин, 31—32), а в каталоге персидских рукописей Британского музея (Rieu, II, 487) назван другой труд Фахрэддина, составленный не ранее 607 г. х., так как он посвящен Шемсэддину Илтутмишу (л. 4а), правившему в Дели с 607 по 633 г. (JRAS, 1929, 583—4). Джузджани называет Фахрэддина автором генеалогического труда, составленного в стихотворной форме, о гуридских султанах; эту книгу он видел в 602 г. х. в царской библиотеке².

¹ A Volume of Oriental Studies presented to Prof. E. G. Browne. Cambridge, 1922, pp. 392—413.

² Raverty, *Tabakat-i Nasiri*, 1881, pp. 300—302.

Denison Ross убежден, что «Mr. Ellis' MS contains a copy of the work seen by Juzajani in A. N. 602» ('Ajab Namah, 393). К сожалению, автор статьи не приводит никаких доказательств, подтверждающих его вывод. Данные Джузджани о Фахрэддине и исторические факты того времени приводят нас к следующим выводам: 1) лондонская рукопись, повидимому, неполная; есть последняя редакция генеалогического труда Фахрэддина, составленного в прозе и предназначавшегося специально для Кутбэддина (основателя мусульманской династии в Индии, правивший с 602 по 607 г. х.); 2) сочинение Фахрэддина, которое видел Джузджани в 602 г. х. в царской библиотеке, предназначавшееся для Му'ызэддина (а не для Гийасэддина, как у Raverty), предшественника Кутбэддина,—вероятно первоначальная редакция генеалогического труда в прозе; 3) генеалогическая таблица (genealogical list in verse), составленная для Алаэддина (умер в 551=1156 г.), как указывает Джузджани, факт сам по себе мало вероятный. Если бы такой труд действительно существовал, о нем было бы упомянуто в лондонской рукописи, где автор подробно рассказывает о том, как он составлял свой труд. Если допустить существование подобного труда, то он, вероятно, являлся панегириком в честь Алаэддина, в котором могла быть изложена в стихах генеалогия гуридских султанов. Хандемир называет Мубаракшаха поэтом и автором труда по астрономии (бомб. изд. II, 155). Возможно, что указанное у Хандемира сочинение по астрономии есть тот самый труд Фахрэддина, о котором говорится в каталоге перс. рук. Британского музея (Rieu, II, 801).

Точное заглавие книги Фахрэддина в рукописи не дано. В нескольких местах автор говорит о ней, как о «шеджере» («дереву»), о «шеджере-и ансаб» и о «шеджере-и нисбет» («дереву родословий») (Фахрэддин, 62, 67, 71).

Вся рукопись имеет 125 листов in octavo, содержащих следующий материал: л. 16—386. Введение (подробно см. ниже).

л. 39а. В рукописи на этом листе имеются лишь следующие слова: «Города Китая.

Карта Туркестана и Мавераннахра». Переписчик, вероятно, затруднился скопировать карту, но сохранил для нее место.

л. 39б—48а. Предисловие к генеалогии. Автор, между прочим, дает свое полное имя и генеалогию и объясняет, как он приступил к составлению генеалогических таблиц.

л. 48б—49а. Генеалогия пророка.

л. 49б. Белый лист.

л. 50а—556. Начало генеалогических таблиц. Приводятся легендарные сведения об Адаме и Еве и их непосредственных потомках до Сифа. Рассказ внезапно обрывается на л. 556 в середине истории Удж б. Анака и его убийства Мусой и израильтянами³. D. Ross высказал предположение, что, вероятно, в лондонской рукописи недостает нескольких листов, которые имелись в оригинале.

л. 56а—1246. Содержание 136 генеалогий. В 'Ajab Namah по ошибке сказано, что в книге имеется 68 генеалогий; ошибка отмечена издателем. Рукопись заканчивается генеалогией Гуридов.

В книге Фахрэддина исключительный интерес представляет введение автора; на нем мы более подробно остановимся. После обычного в мусульманских сочинениях славословия и описания свойств аллаха автор кратко говорит о мусульманской космогонии. Подобно мусульманским географическим трудам, в книге говорится о делении земли на семь климатов, после чего следует перечисление важнейших стран и городов, входящих в состав каждого климата. В этом случае наш автор следовал по стопам мусульманских географов IX—X вв., из сочинений которых он заимствует географические сведения⁴. Укажем некоторые поправки и неудачные, по нашему мнению, конъектуры, принятые издателем рукописи. На стр. 4, очевидно, вместо Б-х-ран следует читать Наджран⁵ и вместо Х-р-с надо читать Джураш. На стр. 5 вместо Садвистан предлагаем чтение Сарвистан⁶. Среди географических названий третьего климата упоминается, между прочим, Дахамала (?); подобное название мы тщетно старались найти в каком-либо другом географическом труде (ср. Фахрэддин, XVII); вероятно, оно переписчиком искажено. Перечень областей и городов третьего климата заканчивается словами: «и Т-к-син из области Туркестана и могила Хатунь». Т-к-син, как географический термин, не встречается ни у арабских географов IX—X вв., ни в

³ Наш автор, как правило, не называет своих источников. Здесь же, при изложении истории Удж б. Анака, легендарного библейского великана, ссылается на Са'лаби (XI в.) и передает эту историю в сильно сокращенном виде, так, как она изложена у Са'лаби в «Кысас ал-анбийа».

⁴ Ср., например, Макдиси, BGA, III, 59—61.

⁵ BGA, III, 59; «Худуд ал-Алем», л. 336; Якут, 1, 29.

⁶ См. «Худуд ал-Алем», л. 27а и Истахри, BGA, I, 161; IV, 78, прим. С.

словаре Махмуда Кашгари. Гардизи (XI в.) говорит лишь о «шатрах чигилей Тексина». На средневековой китайской географической карте Западной и Средней Азии встречается название местности между Хами (Kamul) и Бишбальком в форме T'a-gu-sin⁷. Можно предположить, что Тагусин Фахрэддина соответствует T'a-gu-sin китайских источников. «Могила Хатуны» издатель предположительно отождествляет с могилой жены Кутейбы б. Муслима. Едва ли такое голословное предположение может быть принято. У М. Кашгари указывается город под странным турецким названием Катун Сии (III, 101, 240), что, судя по контексту, значит «могила женщины». Возможно, что Фахрэддин слышал это турецкое название города и отметил его в персидском переводе (макбаре-и хатун). У Кашгари этот город помещен между Тангутом и Сином⁸. На стр. 6 принятое Росс'ом (под знаком вопроса) чтение Л-дж-раб (ср. на стр. 69 чтение Л-х-рай) мы предлагаем читать ал-Джурз, как у Ибн-Хурдадбега и Ибн-Русте (BGA, VI, 16, 67; VII, 135). Вместо Сайран лучше Сабран или Сауран. В числе географических названий седьмого климата упоминается «лес Лура» (?) (на стр. 39 «Лаура») (о его предполагаемом местоположении см. ниже). К этому же климату отнесена «река Рус», под которой одни понимают верхнее течение Волги до впадения Камы, а другие—Дон; это же название мы находим еще у Ибн-Хаукаля и в рукописи Туманского (BGA, II, 276; Худуд ал-Алем, л. 106). Упоминание реки «Рус» в нашем тексте свидетельствует еще раз о том, что автор при описании климатов пользовался арабскими географами IX и X вв.

После перечисления областей и городов семи климатов автор кратко излагает: падение иблиса, господство человека над животным миром; говорится о значении ученых и правителей; приводятся цитаты из корана о повиновении властям и хадисы, характеризующие ислам. На этом заканчивается первая часть введения по лондонской рукописи (Фахрэддин, 1—18).

Затем автор сразу переходит к характеристике состояния государства Гуридов в Афганистане в конце VII в. х. (конец XII и начало XIII в. н. э.). Среди смут, когда гуззы наводнили Афганистан и на некоторое время завладели государством Газневидов, возвышается гурид Му'ызэддин, который берет Газну и значительно расширяет пределы своего государства. Кратко описывается состояние страны при Му'ызэддине и более подробно рассказывается о карьере Кутбэддина, ближайшего помощника и сподвижника Му'ызэддина, и о его блестящих походах в Индию⁹. В результате завоевания Гуридами Индии в конце XII в. началась сильная исламизация страны (Фахрэддин, 26 сл.). Наступательное движение Гуридов встретило упорное сопротивление со стороны некоторых индийских племен. Заместителем Му'ызэддина в Дели был оставлен Кутбэддин, а сам Му'ызэддин предполагал вернуться в Газну. На пути из Дели в Газну, в местечке Дамиак, он был убит в 1206 г. Кутбэддин становится самостоятельным правителем Дели. Автор подробно останавливается на правлении Кутбэддина и его реформах. Отмечается, что турецкие элементы занимали в то время господствующее положение в стране. Фахрэддин не скрывает своих симпатий к туркам, к которым принадлежал и сам Кутбэддин. Автор стремится объяснить причину их господствующего положения. «Кто-либо может спросить,—говорит Фахрэддин,—что за причина славы и удачи, которая выпала на долю турок. Ответ: общеизвестно, что каждое племя и классы людей, пока они остаются среди своего собственного народа, среди своих родственников и в своем городе, пользуются уважением и почетом, но когда они странствуют и попадают на чужбину, их презирают, они не пользуются вниманием. Но турки наоборот: пока они находятся среди своих сородичей и в своей стране, они представляют только одно племя из числа других турецких племен, они не пользуются достаточной мощью и к их помощи не прибегают. Когда же они из своей страны попадают к мусульманам,—чем дальше они находятся от своих жилищ, родных и страны, тем больше растет их сила и они более высоко расцениваются, они становятся эмирами и сипех-саларами». «Среди изречений Афрасиаба, который был царем турок и был безгранично мудрым и умным, было изречение такое: турок подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище; но когда она выходит наружу из морской раковины, она приобретает ценность, служа украшением царских корон, шеи и ушей у невест» (Фахрэддин, 36—37).

Затем автор переходит к описанию Туркестана. «Туркестан—самая обширная страна на земной поверхности: с востока она граничит с Китаем, на западе граница

⁷ B r e t s c h n e i d e r, Med. Researches etc, 1910, II, 32; ср. E. C h a v a n n e s, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, 1903, 7 и H i o u e n- T h s a n g, Mémoires etc. 1857, 1, 45.

⁸ Ср. замечание P e l l i o t, Journ. As., 1920, I, 174; C h a v a n n e s, op. cit., 58; Codex Comanicus, 1880, pp. 222, 295; K. M i l l e r, Mappa Arabicae, v. 147.

⁹ Об этом подробно см. у D. Ross'a, 'Ajab Namah, 398—400.

простирается до Византии, с севера—стена Йаджудж и Маджудж, а с юга горы Индустана, где выпадает снег». Туркестан богат редкими и дорогими предметами, которые оттуда вывозят для продажи за большие деньги. Вот перечень этих предметов: мускус татарский, тибетский и хотанский (ср. ЗВО, VIII, 17; BGA, VII, 365); дорогие ткани из Китая¹⁰; тонкая разноцветная шелковая ткань: турецкая шелковая ткань; меха бобров, лисиц болгарских и бургасских¹¹, соболей, сурков, горностаев и белки; тибетский бык; белый тополь и его кора (ср. BGA, IV, 198—199); рога хуту¹²; белоснежные газели (ср. Махмуд Кашгари, II, 229), соколы и кречеты; яшма; разные дорогие кони; верблюды обыкновенные, двугорбые и дикие, не встречающиеся в других местах.

«В Туркестане есть область, которую называют Тангут; всякий, кто привозит туда один харвар¹³ хлопчатобумажной ткани, вывозит оттуда один харвар серебра; половину он отдает хану; без разрешения турецкого хана никто не может туда отправиться». Откуда заимствовал эти сведения Фахрэддин, нам неизвестно. У Кашгари о Тангуте сказано, что это «название племени из турок, живущих вблизи Китая и утверждающих, что они происходят от арабов» (III, 268). Других сведений у него нет. Далее рассказывается, что «в области Согда находится гора, вода которой доходит до Самарканда; в этой горе имеются рудники с серебром и золотом, бирюза с нефтью, а также рудники с железом, свинец, ртуть, чистый нашатырь и купорос, которые вывозят в страны мира» (Фахрэддин, 38—39). Несомненно, что здесь речь идет о реке Зеравшане, которую обычно называли «рекою Согда» или, по возвышенности Чупан-ата близ Самарканда, «рекою горки» (аб-и кухек). Что же касается горы, то, повидимому, здесь имеются в виду Зеравшанские горы. Заимствовал ли наш автор эти сведения, как и многое другое, из более ранних источников, или его сообщение об обработке горных богатств в Зеравшанских горах относится к его времени, трудно установить¹⁴.

Известно, какое большое значение для оседлых областей Средней Азии имела торговля с кочевниками. Торговые связи были необходимы для обеих сторон. Наш автор рисует любопытную картину обмена между купцами и людьми, стоящими на очень низкой ступени развития. Приводимый ниже рассказ несомненно носит книжный характер. «В области Туркестана имеется лес, который называют лесом Лаура; живут там дикари; они ни с кем не смешиваются. Купцы, которые туда отправляются, берут с собой товары и ткани, годные для этой области. В одной степи, которая издавна была местом купли и продажи, они их оставляют, а сами удаляются на некоторое расстояние. Те дикари тоже приносят свои товары и кладут их рядом с товарами купцов. Если их сделка является приемлемой, они свои товары оставляют, а товары купцов берут. Если же (сделка) окажется неподходящей, они оставляют свои товары, а товары купцов берут и кладут их на некотором расстоянии от своих, а сами удаляются. Когда купец издала это увидит, он возвращается (к своим товарам) и что-нибудь к ним прибавит и снова удаляется. Снова приходит тот дикарь; если он удовлетворен, он берет товары купца и уносит, а свои оставляет. Затем приходит купец и берет товар (дикаря). И вся эта купля и продажа совершается без разговора между обеими сторонами»¹⁵.

В «ал-Канун ал-Мас'уди» Бируни, сказано: «ghiyad Yura' wa hum mutawahhishun yutajiruna mu'auanatan», что значит: «леса Юра, а они одичалые и ведут торговлю путем обмена предметов, выставленных для осмотра»¹⁶. Следовательно, упоминаемый у Фахрэддина «лес Лура», куда ездили купцы для меновой торговли, можно с уверенностью читать «лес Юра (или Югра)». В мусульманской литературе известны названия двух самых северных народов, а именно: Юра (или Югра, Угра) и Вису (или Ису). Вису обычно отождествляют с финским племенем Весь (одни предполагают, что они жили близ Чердыни на Каме, а другие помещают их близ Белозера), а Юра или

¹⁰ Здесь автор различает Северный Китай, известный под именем Хита, и Южный Китай—Чин. Ср. T'oung Pao, XIII, 727—742 и XIV, 427 сл.

¹¹ О бургасских мехах говорят Ибн-Русте (BGA, VII, 140), Гардизи (Б а р т о л ь д, Отчет, 97) и Якут (1,567). Автор «Худуд ал-Алем» упоминает о мехах горностаев у барадасов (л. 386), но заметив их тождество с бургассами Истахри (BGA, I, 225).

¹² Ibid., 222; ср. T'oung Pao, XIV, 315 сл.; Asia Major, 1925, 11, 112.

¹³ Харвар—мера веса тяжести, поднимаемой одним ослом.

¹⁴ Ср. данные о рудниках у Истахри, BGA, I, 312 сл.

¹⁵ Фахрэддин, 39—40. Некоторые сведения о немой меновой торговле приволжских стран приведены у Х в о л ь с о н а, Известия о хазарах, бургассах и т. д. Ибн-Даста-Ж. М. Н. П., XII, 1868, стр. 762 сл. См. еще В. Т и з е н г а у з е н, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, 297—298.

¹⁶ Цит. рукописи Брит. музея (Or. 1997). См. Hudud al-Alam. Transl. and explain. by V. Minorsky. GMS. London. 1936, p. 309.

Югра (Угра)—с угорскими остяками (в бассейне Оби) и вогулами (на склонах Северного Урала). Теперь мы можем сказать, что «лес Лура» (Юра, Югра, Угра) находился в Сибири. Как полагал Marquart («Osteurop. u. Ostasiat. Streifzüge», 53), Южная Югрия (Угрия) была по соседству с р. Ишимом и в Бараба (Барабинская степь к западу от Новосибирска).

Откуда позаимствовал Фахрэддин этот рассказ, пока определить трудно. О подобной же меновой торговле, но не так подробно, говорит Мухаммед Ауфи в своей антологии, составленной в Индии в 1228 г. Для сопоставления приведем и его рассказ: «С правой стороны от земли кимаков живут три народа, которым купцы приносят товары. Они ни с кем не говорят ни слова; их купля и продажа совершается не путем разговора, но купцы кладут свой товар, а другие приходят и кладут возле них цену. Если продажа согласен, он уносит предмет обмена, а свой товар оставляет»¹⁷.

Далее говорится о двух лесах; в одном живут нагие, длинноволосые дикари, а в другом, разделенном рекой, живут на одном берегу реки одни мужчины, а на другом одни женщины; один раз в году, ночью, женщины приходят на мужской берег и там сходятся с кем хотят; никто не имеет определенной жены или мужа. Средствами к жизни служат плоды, которые сушат на зиму; в течение зимы живут в пещерах и оттуда не выходят, пока не сойдет снег. Аналогичный рассказ имеется в географии Идриси (XII в.)¹⁸, где указаны названия островов мужчин и женщин, которые переводчик Jaubert читал «Амраинес», а Seïppel читает «Амазанус», т. е. острова амазонок¹⁹. Любопытно, что миф об амазонках встречается уже у старейшего арабского географа, ал-Хорезми²⁰, и других арабских географов (Бекри, Идриси, Магриби, Димешки). Автор «Худуд ал-Алем» (X в.) приурочивает легендарные острова мужчин и женщин к Балтийскому морю (л. 5а). Тальгрэн, между прочим, говорит, что остров Нарген, против Таллина, называется по-фински Naissare, т. е. «остров женщин или женщины»²¹.

Далее, кратко остановившись на занятиях жителей Туркестана, его климате и магических свойствах некоторых камней, автор говорит, что «диковинок и редкостей в Туркестане очень много, но и этого будет достаточно, чтобы не увеличивать объема книги». На этом заканчивается вторая часть введения сочинения Фахрэддина (стр. 19—42).

Затем следует наиболее ценная часть введения, в которой автор сообщает сведения о русах, хазарах, турках, тугузгах, согдийцах и об их письменности; приводится перечень известных автору турецких племен. Все эти сведения, несомненно, заимствованы у предшественников—историков и географов. К сожалению, автор не сообщает нам своих источников. Среди использованного им материала мы находим и такие сведения, которых нет в других известных нам мусульманских трудах.

О русах мы читаем следующее: «Русы живут на островах, пашен не имеют и земледелием не занимаются»²². Они постоянно ведут беспечный образ жизни, славян забирают в плен и продают, у жителей грабят имущество и хлеб, и это служит им средством к существованию. Возле каждого мальчика, когда он рождается, кладут меч (и говорят): когда станешь взрослым, прибыль от него будет»²³. Одна ветвь их (руссов) сжигает покойника, а другая кладет его в могилу в стоячем положении» (Фахрэддин, 42—43). Вот и все, что мы имеем о русах в книге Фахрэддина; Автор, несомненно,

¹⁷ См. статью Marquart'a в Festschrift für Friedrich Hirth, Berlin, 1920, стр. 296 и его же замечание на стр. 297. Ср. «Худуд ал-Алем», л. 4а, 22—23.

¹⁸ «Géographie d'Edrisi» trad. par A. Jaubert, II, 433.

¹⁹ A. Seïppel, *Remum normannicarum fontes arabici*, I, 138; ср. стр. 151.

²⁰ C. A. Nallino, *Al-Huwarizmi*, 50.

²¹ Minorsky, *op. cit.*, 191.

²² У Ross'a это место переведено так: «In the islands are the Russians, who also engage in agriculture» (sic!). Ср. Ибн-Русте (BGA, VII, 145): «У них (руссов) нет пашен; только тем они питаются, что берут из земли славян».

²³ Ross переводит это место слишком вольно: «he is intended to become a soldier». У Ибн-Русте мы читаем: «Когда рождается у кого-нибудь из них (руссов) мальчик, отец кладет перед новорожденным обнаженный меч и говорит ему: я не оставлю тебе имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что ты приобретешь этим мечом» (BGA, VII, 145). Гардизи буквально следует Ибн-Русте (Бартольд, *Отчет*, 100). В мешхедской рукописи Ибн-ал-Факиха (л. 169б) об этом рассказывается так: «Когда мальчик достигает совершеннолетия, ему дают лук и лошадь и выгоняют его из дому в горы и степи, говоря: иди теперь, поучись сам добывать себе пищу и одежду». «Известия Рус. Академии наук» 1924, 241. Ср. Ауфи, ЗВО, IX, 263—264; Якут, I, 839; II, 834. См. еще Marquart, *op. cit.*, 294.

заимствовал эти сведения из книг. Мы знаем, что в трудах арабских писателей собрано много сведений о народах Восточной Европы, в частности о русах²⁴. Недавно было высказано предположение, что арабские писатели могли заимствовать свои сведения о русах из ранее существовавшего текста-первообраза, в который потом каждый внес свое толкование. «Таким первообразом,—говорит автор этой гипотезы В. Мошин,— мог быть еврейский текст». Допускается при этом возможность существования в Хазарии в X в. целой еврейской исторической и географической литературы, возникшей еще в IX в. Еврейский источник о русах мог попасть в багдадский архив и дать арабским писателям сведения о русах²⁵. Для нашего автора таким источником скорее всего мог быть труд Гардизи (оба писали в Афганистане), у которого, однако, о русах собраны более обширные сведения, чем у Фахрэддина. Не исключена возможность, что нашему автору были известны труды Ибн-Русте и Мас'уди²⁶. Особый интерес специалистов должно вызвать сообщение автора о погребении русов в стоячем положении. Если не ошибаюсь, ни в курганных погребениях степей юга России²⁷, ни в мусульманской географической литературе об этом нет сведений. Возможно, что наш автор в данном случае неправильно понял свой источник.

Более ценные сведения сообщает Фахрэддин о хазарах, о которых говорится в двух местах. «Большая часть хазар—иудеи; зиму они проводят в городах, а летом отправляются в степи; у них есть пашни, обработанная земля и много скота» (Фахрэддин, 42). Только поспешностью издания можно объяснить допущенную Росс'ом ошибку в переводе данного места; у него сказано: «The Khazars are mostly Jews, who spend their summer in towns and the winter in the country» (Фахрэддин, стр. X)²⁸. В другом месте (Фахрэддин, 46) сказано следующее: «У хазар тоже есть письмо, и это письмо происходит от русского; ветвь народа Рума, живущая вблизи них, пользуется этим письмом, и у них румийцы называются русами²⁹. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22 (в тексте сказано 21, а дается перечень 22), больше букв нет». Далее автор передает хазарский алфавит в арабской транскрипции, которая, к сожалению, не дает нам представления о фонетике языка. Алфавит этот следующий: a, b, w, d, h, dj, z, kh, t, i, k, l, m, n, s, gh (см. прим. 28), f, q, r, sh, t, th. Свое замечание о хазарской письменности автор заканчивает словами: «Большая часть хазар этой ветви, которые употребляют это письмо,—евреи»³⁰. Ни одного текста на хазарском языке до нас не дошло. По словам арабских географов, язык хазар отличался от языка турок, но они считали хазар по происхождению турками³¹. Следуя этому, и наш автор, как увидим ниже, включил хазар в свой список турецких племен. Теперь туркологи приходят к выводу, что из остатков языка волжских булгар и, вероятно, хазар образовался язык чувашей. Ни в одном из известных нам восточных источников мы не находим точных сведений о хазарской письменности. Повидимому, наш автор имел под руками какой-нибудь источник, к которого мы не знаем. По мнению Бартольда, русское происхождение, вероятно, приписывается хазарскому алфавиту по недоразумению. Гораздо правдоподобнее допустить ь, что русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника—от греков В изантии³². Хотя ко времени принятия русскими христианства Хазарское царство утратило свое прежнее значение, но продолжало существовать, имея постоянное общение с русскими³³. По нашему мнению, хазары, вернее—те из них, которые были соседями русских, могли подвергнуться влиянию русских и заимствовать от них письмо, которое русские имели еще до начала деятельности греческих миссионеров среди хазар.

²⁴ Известия 33 арабских писателей о русах изданы А. Seiprel'em, op. cit., 49—113, Рец. R. Hartmann'a в OЛZ, 1932, 127—128.

²⁵ «Доклады Академии наук СССР», В, 1929, № 4, 58.

²⁶ «Prairies d'or», II, 9.

²⁷ См., например, М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, главы X и XI.

²⁸ Ср. также на стр. XI не везде правильную передачу хазарского алфавита: седьмую букву следует читать не «a», а «z»; шестнадцатую букву вместо «t», вероятно, надо читать «gh», если допустить, что в рукописи вместо «айн», как показано в издании, стоит «гайн».

²⁹ Ср. В. Бартольд, Культура и письменность Востока, кн. IV, 17. Росс переводит: «who live near them and are called «Rum-Rus» (стр. XI) и предполагает, что под «рум-рус», надо, вероятно, разуместь булгар. Ср. слова Истахри, BGA, I, 225, «Худуд ал-Алем», л. 37а и М. Кашгари, I, 30, 33.

³⁰ По мнению Росс'а, вероятно, имеется в виду кириллица, но, конечно, не еврейский алфавит.

³¹ BGA, I, 225; 11, 285, VIII, 83.

³² Бартольд, ук. соч. 17.

³³ А. А. Шахматов, Повесть временных лет, 1916, стр. 17 сл.

«Кроме мусульман,—пишет далее Фахрэддин,—в Туркестане имеются четыре (в тексте сказано три) категории жителей: евреи, христиане, зороастрийцы (муги) и идолопоклонники (вероятно, автор имеет в виду буддистов); большая часть из них признает творца. И они знают о пророках и о том, во что надлежит верить, хотя они сами в то не верят. И если бы они не знали о них, они не имели бы названий для них (на своем языке)». Автор приводит следующие турецкие слова, связанные с религиозными представлениями турок: *tāgrī* (божество), *idī* или *ulug tāgrī* (владыка), *bajāt* (божество)³⁴, *jalavač* (посланник), *saqči* (пророк) (у Махмуда Кашгари этого слова нет), *bu ažup* (этот мир) (слово «ажун» заимствовано из согдийского языка), *ol ažup* (тот мир), *ulug kūn* (великий день), *uβnaq* или *uβmah* (рай), *čtuh* или *tamug* (ад), *sākiz uβmah* (восемь раев), *jāti tamug* (семь адов), *saqış* (счет)³⁵.

«Есть и другие вещи,—продолжает наш автор,—благодаря которым они (турки) имеют преимущество перед другими людьми. Одно то, что после персидского языка (в тексте: *zāban-i tāzī*) нет языка лучшего и более благородного, чем турецкий. Теперь у людей больше стремления к (изучению) турецкого языка, чем это было в прежние времена. Это объясняется тем, что большинство эмиров и военачальников—турки; им принадлежит власть и богатство; все нуждаются в этом (языке). Благородные и знатные находятся на службе у турок, под властью которых они пользуются спокойствием, защитой и уважением. И кроме того, у турок есть книги и письмо; они знакомы с магией и астрологией; они обучают детей письму. Письмо у них двух родов: одно—согдийское, а другое—тугузгуское. Согдийское письмо имеет 25 букв, больше нет, а 3 буквы отсутствуют в их письме, а именно: «дад», «за», «гайн»³⁶. Они пишут справа налево; большая часть их букв не соединяется между собой. Изображение букв следующее³⁷: а, b, ġ, d, h, v, z, ħ, ț, i, k, l, m, n, s, ġ, f, s, k, r, š, t, t, ħ, d. Произношение их букв получается путем присоединения алифа. Таким образом, они говорят: а, ба, ġа, да, ha, va, za, ħа, țа, ia, ka, la, ma, na, sa, ġа, fa, řа, řа, ta, țа, ѓа, ѓа. «Нет надобности,—продолжает Фахрэддин,—переводить эти буквы, так как ясно, что это такое. Этот вид письма большей частью не допускает соединения букв между собой». Таковы данные Фахрэдина о согдийском алфавите, которые были исследованы R. Gauthiot в статье «L'alphabet sogdien d'après un témoignage du XIII siècle» (JA, 1913, 1, 521—523). Исследователь полагает, что «l'écriture dont il parle est donc du premier type, dit «ancien» ou du moins très proche de ce type».

Под «тугузгуским» письмом Фахрэддин понимает, конечно, уйгурское, знакомством с которым, как доказал Gauthiot, турки обязаны согдийцам. Уже В. В. Бартольд обратил внимание, что Махмуд Кашгари, писавший во второй половине XI в. не по книгам, а на основании личного знакомства со Средней Азией, знает только уйгуров, а не тугузгузов. Наш автор говорит о тугузгузах по книгам, называет их «настоящими турками» (стр. 39) и приводит некоторые сведения об их письменности, но он, повидимому, знает и уйгуров, поместив тех и других в свой список турецких племен. Указывается, что письмо тугузгузов имеет 28 букв, пишут справа налево, буквы между собой не соединяются. Автор, к сожалению, не дает тугузгуского алфавита, а ограничивается приведением в алфавитном порядке 29 букв арабского языка. В рукописи, в качестве примера, приведено тугузгуским письмом выражение «*Basmla*», которое издателем опущено, так как «the distorted forms could not be rendered in type».

Далее говорится, что у турок есть поэзия, касыды и руба'и. Приводится руба'и (с междустрочным персидским переводом) с целью, как указывает автор, показать, что турецкая поэзия скандируется и имеет смысл.

В дальнейшем Фахрэддин дает перечень турецких племен. Автор по этому вопросу пишет следующее: «У турок имеется очень много племен; большинство живет в степях и имеет шатры; из-за скота они остаются на одном месте только зимой, когда степь покрывается снегом». Указывается, что если кто-либо пожелал бы узнать все турецкие племена, то осуществить это было бы невозможно³⁸, но некоторые хорошо известны, и автор дает их перечень. У предшественника Фахрэдина, Махмуда Кашгари, много места уделено турецким племенам; к туркам он причисляет и те народы, кото-

³⁴ У М. Кашгари «имя аллаха на диалекте аргу», III, 128, ср. *Asia Major*, 1925, II, 116.

³⁵ Ср. П. Мелоранский, Араб-филолог о турецком языке, 1900, стр. 44.

³⁶ В рукописи стоит «айн»; исследователь этого места рукописи делает следующее примечание: «Le a i n est sans doute une faute de copiste pour le g a i n», «*Journal Asiatique*», 1913, 1, 522, n. 1.

³⁷ Из фотоснимка с листа 29а лондонской рукописи видно, что издатель выпустил из текста 4-ю и 6-ю строки этого листа с изображением согдийских букв арабским шрифтом (*Ibid*, 1913, 1, 523).

³⁸ Ср. слова М. Кашгари, 1, 27, и Мухаммеда Ауфи, Бартольд, Туркестан, тексты, 99.

рые, по его словам, говорили на другом языке, но знали и по-турецки (Диван, I, 30). В списке Фахрэддина встречаются и такие племена, которых нет у Кашгари; наблюдается, однако, и обратное явление. Вот перечень турецких племен у Фахрэддина: 1) Тюрк (повидимому, это слово, помимо коллективного названия турок в XII и XIII вв., вероятно, и раньше, служило также названием особого турецкого племени; у Кашгари такого названия племени нет); 2) Йемек, 3) Кыркыз, 4) Карлук (ср. № 7), 5) Чигил, 6) Анмур (Аймур у Кашгари и Рашидэддина), 7) Харлук (ср. № 4), 8) Кынык, 9) Йагы (Ива или Йава у Кашгари), 10) Салук (вероятно, Салур или Салор), 11) Халадж, 12) Огуз, 13) Хита (Хитаи у Кашгари), 14) Гай (ср. № 16), 15) Урус (у Кашгари и Рашидэддина нет, имеется у Абулгази), 16) Кай (ср. № 14), 17) Уран (у Кашгари нет; ср. Джувейни), 18) Тухси (в изд. Нухси), 19) Тибет, 20) Каратибет (у Кашгари нет; у Рашидэддина Буратибет), 21) Сук-лаи? (Сакалиба?), 22) Кумиджи (в издании Ким-Джи), 23) Каймак (у Кашгари нет), 24) Хазар (ср. выше; у Кашгари нет), 25) Карахазар (у Кашгари нет; имеется у арабских географов), 26) Хафджак (у Кашгари Кыфджак), 27) Ал-ты (в других источниках нет, Алтай?), 28) Куджат, 29) Биджинек (Печенеги), 30) Огул? (в других источниках нет; ср. № 12 и 48), 31) Сатык и 32) Сутук (сближаются с согдаками; имя Сатук носил один из караханидов); 33) Татар, 34) Карагатар, 35) Каныклы (Канклы), 36) Баргу (в орхонских надписях Иер-Байырку), 37) Гуз (ср. № 12), 38) Карагур (Карауйгур?), 39) Тугузгуз (в рук. Тагузгуз), 40) Йагма, 41) Аракун (у Кашгари и Рашидэддина Юрекир), 42) Кайык (ср. № 16), 43) Салгир (ср. № 10), 44) Йазгыз (у Кашгари Йазгыр, у Рашидэддина Йазыр), 45) Рюкюр (вероятно, Дюкюр, у Кашгари Тюкер, у Рашидэддина Дюкер), 46) Байандур, 47) Ула-Йандулык (у Кашгари Ула-Йондулук), 48) Угур (вероятно, Уйгур, ср. № 30), 49) Туграк (у Кашгари Ыграк или Уграк), 50) Байат, 51) Тутурга (у Кашгари Тутырка), 52) Дуджиран (в других источниках нет), 53) Сувик (ср. № 32; у Кашгари нет), 54) Йабагу, 55) Афшар, 56) Б-к-риз (у Кашгари и Рашидэддина Бюкдюз), 57) Бекдели, 58—60) Икаба, Аткус, Лу узара (в других источниках сведений нет; последнее название в рукописи сильно искажено), 61—62) Урул, Лар-Тилк (в других источниках нет), 63) Басмыл и 64) Ал-и Барсхан.

Из 64 названий турецких племен (фактически 58, так как 6 названий повторяются в другой форме) большинство нам известно, и сведения о них мы находим в других источниках. Но в списке имеется также ряд названий, о которых в других сочинениях сведений нет, и самое чтение их сомнительное.

На этом, собственно говоря, и заканчивается наиболее ценная часть исторического введения книги Фахрэддина. Дальнейшие страницы (47—61) посвящены описанию доблести, великодушия и терпимости турок. Специально говорится о Кутбэддине. Эти места книги нашего историка являются, пожалуй, самым веским доказательством того, что дошедшая до нас редакция исторического введения была автором переработана специально для Кутбэддина. Введение заканчивается прославлением Кутбэддина. Вслед за этим в оригинале была помещена географическая карта, которая отсутствует в лондонской рукописи.

В предисловии к генеалогическим таблицам (стр. 62—75) автор прежде всего приводит свое полное имя и генеалогию. Затем подробно рассказывается о том, как он приступил к составлению своего труда. Первоначально автор предполагал ограничиться составлением полной генеалогии своих предков, начиная с пророка и его 10 сподвижников. В процессе работы Фахрэддин значительно расширил свой план, включив также генеалогию знаменитых людей и мусульманских династий. Автор указывает, что в течение 12 лет был занят сбором этих материалов и еще один год ушел на приведение в систему собранного материала и его переписку. Автор три раза исправлял и дополнял свою работу. Когда книга была закончена, Фахрэддин показал ее прежде всего своему отцу, который был ученым того времени. Отец похвалил своего сына за выполненную работу, указав, что и он в течение 30 лет размышлял о составлении подобного труда, но не имел возможности это исполнить. Предисловие заканчивается изложением обстоятельств, при которых труд автора был представлен в Лагоре Кутбэддину, который приказал приготовить специальную копию для царской библиотеки. Прежде чем приступить к изложению генеалогических таблиц, автор счел нужным привести несколько легендарных сюжетов (стр. 75—84), лишенных всякого исторического смысла. На этом заканчивается печатный текст книги Фахрэддина. Незаконченные генеалогические таблицы, по словам D. Ross'a, не представляют ничего нового.

По замечанию Denison Ross'a, которому востоковедная наука обязана знакомством с рукописью Фахрэддина, в этой книге затронуты «многочисленные проблемы», от полного исследования которых этот ученый воздержался. В настоящей статье мы стремились познакомить советского читателя с содержанием изданной рукописи и попутно дать посильный ответ на некоторые из этих проблем, привлекая для этого доступный нам материал.

И. Умняков